

Ирина Приймак

Автобиография

Я, Ирина Владимировна Приймак, родилась 10 июня 1997 года в Петропавловске. Мои строки – это не пустые слова, это и есть жизнь, все её стороны, которой я и делюсь с каждым. С детских лет я пишу обо всём. На страницах ежедневников расположились мои рукописные тексты. Считаю, что главное в жизни – верность, смелось и, казалось бы, простое умение различать «что такое хорошо, что такое плохо...». А сама жизнь – это прекрасное путешествие, в котором мы все должны научиться слышать звонкие ноты души, подбирать нужные аккорды для каждого сердца, делая жизнь тех, кто находится рядом, счастливее и ярче, наполняя смыслом наше общее время.

Избранное

Дороги родины.

Снова вернусь сюда – хоть на три дня коротких,

Город весенним утром встретит меня любя.

Плавают в камышах те же зелёные лодки

И пролетают утки над головою ребят.

Осиротевши звенит колокол церкви старинной

Той, где крестили меня, где отпевали отца

И, от которой мой город взял своё вечное имя,

Но ни одного не вижу знакомого мне лица.

Вспомнить ушедших друзе бы, да помянуть слезой,

Вспомнит всё только небо и помолчит со мной.

Только, наверняка, в реку прольёт немного

Звёздного молока – весточкою от Бога...

Как хорошо, что здесь мне довелось родиться,

Где место есть всегда таким непутёвым нам.

Пусть здесь уже поют песни другие птицы –

Нас помнят берега с небо напополам.

Ночью я помолюсь в храме под праздник Пасхи,

Да и отправлюсь в путь, только бы не забыть

Всей доброты твоей и материнской ласки,

Что ты мой город, смог в детстве нам подарить...

Вспомнить ушедших друзей бы, да помянуть слезой,
Вспомнит всё только небо и помолчит со мной
Только, наверняка, в реку прольёт немного
Звёздного молока – весточкою от Бога...

Внутренний вид

Мой скромный мотив по жизни летит,
Даря вечерами мгновенья души.
Ведь главное в жизни – наш внутренний вид,
А сверху мы все, что сказать, хороши!
Один любит брюки, пиджак и рубашку,
Другой любит джинсы, рыбалку и фляжку,
Одна каблуки и меха на одежде,
Другая кроссовки и что-то по легче,
Одних кто-то встретит на новеньком джипе,
Другие с трамвая до дома дошли бы,
Казалось бы, схожи мы все, без обид...
Но нас различает наш внутренний вид!
Да, я тоже люблю вещички со вкусом –
Не зря люди жизнь называют искусством.
Но вещи со вкусом бывают просты –
Немного ведь надо нам для красоты.
Секрет тот не нами ещё был раскрыт –

Красивым нас делает внутренний вид!
Мой – скромным мотивом по жизни летит,
Бывает под крылья обои подбит,
Бывает, взлетит на высоких мечтах,
Что с ним все в округе задорно звенят,
Пусть неидеален мой внутренний вид,
Он, главное, делом и совестью чист,
И раздаёт всем, кто рядом частицы
Счастья, чтоб видеть красивые лица
И, чтоб доказать, что игра стоит свеч,
Если сумеешь ты вид свой сберечь!

Город без белых ночей

Белых ночей этот город не видел, но ласковых,
Нежных и долгих ночей ему точно не счесть.
Ловко кружились сердца недоступными сказками,
Чувствам давая на перепутьях расцвести.

Город мой маленьких, нежно заплывший букетами
Майской сирени во всех населённых домах
Громко звенел до утра заводными куплетами,
Чтоб поселиться навек в улетевших сердцах.

Всё было в нём: и друзья, и подруги заветные,

И вечера у июльской тени тополиных аллей,
Долгие дни начинались своими рассветами,
Не было здесь никогда только белых ночей.

И уезжали отсюда, пленённые сказками
Чьих-то красивых рассказов, наверно, не зря,
Мерно пустел, затухая, город мой ласковый,
Оставшись цветущим лишь в памяти прежних ребят.

Только его зачастую мы видим в полночном сне,
Мысли о прошлом никак не деваются прочь
И возвращается всё, но зачем? Кто расскажет мне...
Видно, желая увидеть свою непроглядную ночь...

Сирень

Мы выросли крепче камней и сильнее
Огня и потоков воды,
Но время прошло и кого-то сломило
И кто-то упал с высоты.
Мы были похожи, но разные судьбы
Вплелись через наши мечты,
Но, кем бы ни стали, напомнить нам могут
Те годы сирени цветы.
На фоне весеннего неба и наших

Скромных зелёных дворов
Нет нам дорожке цветов, украшавших
Тёплых весны вечеров.
И, ведь на каждом фото в альбоме
Майского яркого дня,
Сделанном где-то на нашем районе,
В косах сирень у меня.
И её запах окликнет однажды
Так неожиданно нас,
Где-то у старенькой многоэтажки,
Свой продолжая рассказ.
И этот запах сиреневый разом
Вдаль унесёт всю тоску,
Будто, проблем то и не было часом.
Ветка сирени в цвету!
Я и в любви признаюсь тебе, знаешь,
Счастьем тебя назову,
Через года ты опять украшаешь
Глупую жизнь мою.
Каждому, верно, на разных дорогах
Среди земной красоты
Скромно у жизни светятся сбоку
Свои (ну же, вспомни...) цветы!

«Катюша»

Слышат: «Песню запевай!» и опять идут куда-то,
Где вообще забыли песни и палят из автоматов,
Где нарушены законы и где правила забыли.
Все туда, где у окопов ещё пули не остыли.
Там польётся прям из сердца подуставшего солдата
Всеизвестная «Катюша» в тишине перед закатом.
Отгудят в горячих точках боевые вертолёты,
А солдату только надо лишь дождаться бы восхода.
Почему ему не спится? – видно, неприветный край,
Ждёт солдат свою команду: «Рота, песню запевай!».
С песней парню веселее, да и дни придут быстрее,
Помнит он, как перед домом пел всё время соловей,
Помнит парень, как когда-то дед медали надевал,
Да рассказывал в строю как сам «Катюшу» запевал!
Может, он лет через сорок, сам расскажет своим внукам,
Как служил в горячих точках, как переживал разлуку,
Как ему служила песня, пока он служил Отчизне,
Парочку крутых историй из далёкой деда жизни,
А внучата удивятся, все истории послушав,
И научатся петь песню – всеизвестную «Катюшу»,
И в строю под мирным небом запоют через года,
Только бы под этим небом мирно было бы всегда...
Пусть звучит тогда «Катюша» гимном всем былым победам

Памятью для тех, кто слушал, памятью о тех, кто делал!

Афганистан

Сколько в нашем мире было бед.

Может быть, кому то стороной...

...В доме у меня живёт сосед

Одинокий и почти седой.

И, хотя, постарше он меня,

Мы с ним завсегда живём на «ты».

Он не любит болтовни зазря

Но порой мне долго говорит,

О войне, где был он пацаном,

О войне, что ни один не знал,

Что тогда за праздничным столом

Новый год народ страны встречал.

Что тогда не знала даже мать

То, что сын за полосой Союза

Едет то ли жить, то ль воевать,

То ль вернуться в дом двухсотым грузом.

Жаль мне – говорит, – что старшина

Там погиб под пытками душмана.

Другом был из одного двора.

Сам потом письмо доставил маме.

Так в двадцатом веке лишь она

Памятью о сыне и осталось.
Скоро померла та мать сама,
Видно, чтоб скорее повстречались.
Ну, а у соседа моего
С той войны «трофеев» накопилось:
Мины, штык ножи, одно ружье –
От границы вёз, кол получилось,
Да сестре короткое письмо,
Что отправить так и не случилось,
Но довёз в кармане сам его,
Ну, а в сердце – памятную сырость.
Вроде бы, обычный человек
Мой сосед – работа, дом, зарплата,
Но в глазах виднеется тот век,
Первый медосмотр военкомата,
Говорить с ним проще и честней.
Хоть о чём - о жизни, о погоде,
Но его рассказы о войне
В сердце с каждым разом глубже входят.

Мы всегда готовы побеждать
Но, думаю, не дай Бог, повториться
Та война. Чтоб не пришлось опять
Кому-нибудь ещё там очутиться.

Пашинину С.Е. (Разговор на 9-ое мая)

Ты тихо допел на нашей земле свою песню,
Но, а я в этот миг не могла оказаться с тобой.
Перед Родиной я, как и ты, стала верной и честной,
Только ты вот ушёл, а я вновь возвращаюсь домой.
Помнишь, я не тянула к тебе свои руки в два года,
Уже с детства смотрела на фото в граните твоё.
Ты был, верно, душой своего ПТОшного взвода –
Рассказала мне мать. Нет, не мне, в разговоре с собой.
Мы похожи, но всё-таки в разные судьбы залезли,
Ты ходил по войне, ну а я по дворам, да стихам,
Снова сядем с портретом твоим на Девятое вместе
И помянем ушедшие дни. Но я здесь, а ты Там...

Правда

Расскажите правду мне свою,
Жители родного городка!
- Покупайте, я сама всё шью, –
Женщина кричит мне у лотка.
Рядом помидоры и кефир
Продаёт приезжий старичок,
А плакат, где май был, труд и мир
Двадцать лет склонился на бочок.

Расскажите правду мне свою
И откройте, где хранится миф,
А я миру в песенке спою
Про судьбу и белый ваш налив.
- Как всегда завод и магазин,
Но теперь у всех машинный ход.
- А я помню первый апельсин
Подарили здесь на Новый год...

Расскажите правду мне свою,
Покажите счастье своё мне,
Я здесь ещё долго простою,

Как вдруг слышу: «Правды здесь нет.
Павда – это там – за горизонт,
А здесь жизнь, что катится рекой...»
Рассказал мне дед, который вот,
Кажется, вчера был молодой...

Я пойду делиться грустью (Петропавловску)

Я пойду делиться грустью
С полусонною брусчаткой,
С речкой, что луну в себе пригрела.
Знаю точно, меня пустит
Без раздумий и оглядки
Этот город в тишину апреля.

Мы похожи с ним так сильно!
И о нас не снимут фильмов,
Мы, как беспризорники и мир.
Так он любит мои песни,
Так люблю его подъезды
И окон огни его квартир.
Он кричал мне: Уезжай,
Всё скорей, скорей, скорей...
Знал, видать, что это надо людям.
Я приеду – не скучай,
Давно не пела во дворе.
Что же дальше с нами, милый, будет.
Едет, вижу, и такси,
И брести уже нет сил –
Голосну – он подмигнёт, не прячась,
Друг, давай вези туда,
Где сияют купола –
Вниз под гору. Едем наудачу.
Заплачу я, сколько хочешь,
Тормозни у поворота –
Посмотрю издалека огни квартир,
В храм зайду, пускай полночи,
Помолившись по дороге:
Дай же, Бог, чтоб здесь всегда был мир!

Петропавловску

В старый город приеду весной
В знак неприступной верности.

Тысяча семьсот пятьдесят второй
Год основания крепости.

Здесь раньше стояла Петра
И Павла церковь престольная
И, как у столицы, с утра
Город звенел колокольнями.
Слезами от Горькой линии
Омылись его берега.
Форштадт – наша крепость военная,
Двадцатый век – «Скад» и «Ока»*.

Здесь мыслью Петра Ершова
И здесь караваном верблюдов
Родились нам, с детства знакомые,
Конька-горбунка этюды...
Сюда Николай захаживал,
Встречали его с достоинством,
Ещё здесь народ рассказывал,
Как дом Янгуразова строился....

Сейчас здесь красуется холм
С заводом Михайла Калинина,
Но где-то вдали перезвон

О Павло-Петровском имени
Напомнит жителям города
Весь смысл великой истории,
О предках, что серпом и молотом
Свободу добыли, да кровию.

Казачья пристань сибирская,
Забывшая правду не вовремя,
Но в это время родившая
Поэтов, учёных, историков,
Храни свой народ, своё имя,
Рисуй свои новые улицы,
И далее следуй за ними –
Не дай себе время ссутулиться!
Хотя и побил тебе ветер –
Всё, как и ведётся на севере
И видно тут даже под вечер
Мусор ишимского берега.

Хотя и побил тебя ветер -
Всё, как и ведётся на севере...
И видно здесь даже под вечер
Мусор ишимского берега...

Сказали, что город мой старенький,

Мол, в хутор уже превращается,
Что век доживает завалинкой
И все из него разъезжаются...
Но всё-таки все возвращаемся,
Не пролетая мимо...
И без опаски признаемся
С Родиной – сотни едины!
И с песней живём да стихами,
Душа не заплачет более,
Ведь мы сохраним за годами
Великую нашу историю!

(*На предприятии (ПЗТМ) выпускались многие широко известные системы вооружения:

Пусковая установка ракетного комплекса «Скад»;

Пусковой комплекс «Ока»);

Сибирская зима

У зимы сибирской сильные морозы,
Где-то минус тридцать, где-то пятьдесят,
Только у подъезда курят папиросы,
Да краснеют щёки у малых ребят.

Не по Сеньке шапка, да и Бог с тобою –
Тишину сломает с самого утра,
Этот Сенька бойко прямо под горою
И весны не хочет, есть ведь свитера.

Вот такая сказка, и счастливый парень
От зимы сибирской самый рулевой.
Мы-то в минус двадцать долго не гуляем,
А тот лишь под вечер явится домой.

И такой счастливый! Сядет возле печки,
Слушает рассказы деда до утра,
А в сарае спят уже белые овечки
И готовят сено к яслям Рождества...

Мне хочется сказать

Мне хочется сказать вам об одном,
Что мы родились так же, как и вы,
Что мы в таком же домике живём,
Где слышится ночами крик совы.

Не осуждайте, не ругайте только,
Что есть у нас и туфли, и портфель.
Вы б всё простили, знали бы насколько,
Мы любим белоснежную метель.

Мы сердцем озорные и чудные.
Без страха я признаюсь, что порой
Дурачимся мы, словно заводные,
Не уходя к обеду на покой.

Не в зависть никому мы любим землю
И всех живущих равно мы на ней.

Не осуждайте, не ругайтесь, когда тенью
Ложится ночь на золото полей.

И если не хотите, чтобы было
В моём именье всё, что только есть,
Возьмите это всё, ведь тот счастливый,
Который может что-то не иметь!

Такая история

Они были разными –
Он любил осень, она - весну и тепло,
У неё были платья красные,
У него свитера, черный зонт и пальто одно.
Он бродил вечерами по городу,\
Она смеялась в шумных компаниях.
Её голос звенел так молодо,
Отражаясь в душе сиянием.

И однажды вечером встретились –
Он домой шёл, она шла из дому,
Она вдруг улыбнулась весело,
Его взгляд был в точь небу чистому.

Они шли по дороге одни,
И луна золотила волосы.
Он читал ей свои стихи.
Она смеялась звенящим голосом.

Так остались на веки рядышком,
И теперь вот сидят у пристани
В красном платье милая бабушка
И задумчивый дедушка в свитере...

Вне зоны

Сказали мне в трубке: «Вне зоны доступа
Сейчас абонент».

Всё ищем в дороге окольные подступы –
Лицом к лицу? Нет!

Два шага навстречу пройти не хотим,
Но хотим свет.

А вспомни, как раньше манил серпантин,
Встречали рассвет!

Сказали: ты где-то вне зоны доступа.

Что делать? скажи!

Пусть прежние чувства проснутся на подступах
Уснувшей души.

Город шелестит листьями клёна под фонарём,
Но не видит звёзды, что светят в ночь огнём.
Он сверху видит только полотна черноты,
Задумайся, мой друг, что сверху видишь ты?

О «серединности»

Ты можешь оказаться в стороне

И, может быть, сочтешь, что это страшно.

Ты там, конечно, по своей вине,
А разве это, друг мой, не прекрасно?

Там - в середине быть не так легко,
Не так свободно и небезопасно,
Там из кармана вынут кошелёк
И сделают в толпе тебя несчастным.

Там – в стороне подумай поскорей
О том, как не поддать себя соблазну –
К тебе вернутся тысячи людей,
Оставив центр к жизни безучастным.

Твоей душе даны другие дни,
Она так любит вечность и невинность.
Всем сердцем крайности безумные люби
И проклинай всем сердцем срединность!